

К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х томах. Том 2.
//Художественной литературы, Москва, 1988
FB2: Vitmaier, 2008-05-07, version 1.0
UUID: e75b8fdc-8205-102b-bf1a-9b9519be70f3
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Серж Птичкин

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0012
III.....	.0016
IV.....	.0020
V.....	.0026
VI.....	.0032

**Константин Михайлович
Станюкович
СЕРЖ ПТИЧКИН**

Когда, лет десять тому назад, этот чистенький, благообразный и румяный юноша с подстриженными белокурыми волосами и большими ясными голубыми глазами приехал в Петербург для поступления в университет, на юридический факультет, со ста рублями в кармане, скопленными уроками, – он не особенно торопился навестить свою родную сестру, немолодую уже девушку, жившую в гувернантках. Но зато он предусмотрительно скоро разыскал весьма отдаленную родственницу, богатую вдову, генеральшу Батищеву, известную спиритку и благотворительную даму, имевшую свой приют для призрения шести младенцев, и в первое же воскресенье, надев свой новенький сюртучок и причесавшись у парикмахера, отправился с визитом к генеральше, в ее собственный дом, на Сергиевской улице.

– Как прикажете доложить? – спросил молодого человека лакей во фраке, с таким представительным видом и с такими великолепными бакенбардами, что и этой предста-

вительности и этим бакенбардам мог позавидовать любой директор департамента.

– Птичкин! – громко, с вызывающим, горделивым видом ответил молодой человек, но при этом почему-то вспыхнул.

Старуха Батищева приняла с неба свалившегося родственника, о степени родства которого имела крайне смутные представления, с той вежливо строгой холодностью, с какой обыкновенно принимают бедных дальних родственников, которых подозревают в недобром намерении – обратиться с какой-нибудь просьбой.

Молодой человек, однако, не смутился.

Он стоически перенес неприятность первых минут встречи и, как будто не замечая этого застланного, серьезного взгляда старой дамы в кружевной наколке, с седыми буклями, обрамлявшими маленькое сморщенное личико с вздернутым носиком и выцветшими глазками, не спеша объяснил, что, приехавши в Петербург, он счел своим священным долгом явиться к Анне Михайловне, как родственнице и когда-то знакомой его покойной матери, с единственной целью засвидете-

тельствовать свое глубочайшее почтение и постараться заслужить ее родственное расположение.

Он проговорил эту маленькую приветственную речь почтительно, но без заискивания, и при этом глядел на старуху своими ясными голубыми глазами так скромно и в то же время уверенно, что Батищева тотчас же изменила тон и сделалась проще. В ее лице и в глазах появилось обычное ласковое выражение, и она уже с родственной приветливостью протянула свою маленькую костлявую ручку, которую молодой человек, конечно, почтительно поцеловал, и стала расспрашивать о покойных родителях молодого человека, припоминая, что она в молодости действительно была дружна с его маман, которая доводилась ей, кажется, троюродной сестрой.

Молодой человек, являющийся лишь для засвидетельствования глубочайшего почтения, во всяком случае приятная неожиданность, и старая генеральша, видимо, была этим тронута, тем более что и манеры, и костюм, и тихая, приятная речь – все обличало

благовоспитанного, скромного юношу в этом неожиданно объявившемся родственнике.

В течение получасового визита молодой человек так очаровал старушку, что она в тот же день позвала его обедать. Особенно ей понравилось внимание, с каким слушал Птичкин ее болтовню. Словоохотливая старуха, видимо не особенно избалованная терпеливыми слушателями, рассказала ему про несколько «спиритических» явлений с подробностями, отступлениями и повторениями, столь обычными у болтливых стариков и старушек, и молодой человек, казалось, был весь – внимание, точно спиритические рассказы генеральши были для него самой интересной вещью на свете. Он вовремя подавал реплики, вовремя серьезно покачивал своей гладко прилизанной головой, вовремя улыбался – словом, слушал так хорошо, что Батищева нашла, что молодой человек – умница.

Обед лишь довершил очарование.

Птичкин ел рыбу не с ножа, а вилкой, держал себя с тактом, недурно говорил по-французски и, при удобном случае, скромно, но не без твердости, высказал взгляды, отличавши-

еся таким редким в юноше благоразумием и столь трезвенной ясностью, что старушка пришла в восторг, в тот же вечер по-родственному назвала Птичкина «Сержем» и раз навсегда пригласила его приходить к ним обедать каждый день.

– А то в ресторанах вы, мой милый, только катар наживете! – любезно прибавила старуха, совсем очарованная своим «проблематическим» племянником и в то же время рассчитывавшая с старческим эгоизмом иметь в молодом человеке жертву ее послеобеденной болтовни.

И на остальных членов семьи – двух барышень и молодого офицера Батищева – наш юноша произвел хорошее впечатление. Они нашли, что он милый, неглупый малый и вообще «*comme il faut*». [1]

– И недурен собой! – прибавили обе барышни.

– Фамилия только его... Птичкин! Птичкин! – повторял со смехом Батищев. – Отзывается *mauvais genre*'ом! [2]

– Но это, во всяком случае, дворянская фамилия! Он дворянин, – заметили барышни,

хотя тоже согласились, что фамилия действительно неблагозвучная.

Особенно участливо отнеслась к этому «одинокому сироте», принужденному с юных лет заботиться о своем существовании, старшая сестра Элен.

Это была девушка тех зрелых лет (между тридцатью и сорока), когда всякая надежда на замужество по любви уже потеряна и когда обеспеченные и не особенно озлобленные девицы этого «переходного» возраста чувствуют склонность к благотворительности или к спиритизму, восторгаются Мазини, Фигнером или Гитри, рисуют на фарфоре или делают искусственные цветы, зачитываются романами Поля Бурже и Золя, любят «теоретические» разговоры о чувствах и скептически относятся к мужской привязанности, хотя и волнуют свое воображение небывалыми романами с небывалыми героями и питают особенное пристрастие, полное участливой материнской заботливости, к свежим, румяным и приличным юнцам.

Высокая, стройная брюнетка с бледно-желтым лицом, сохранившим еще следы увядаю-

щей красоты, с впалой грудью, с темными добрыми, немного грустными глазами и красивыми руками, с длинными, тонкими пальцами, с изумрудом на крошечном мизинце, – эта Элен с первого же дня прониклась жалостью к скромному бедному родственнику и, узнавши, что он рассчитывает найти уроки, на другой же день отправилась к знакомым и просила их рекомендовать в свою очередь вполне приличного молодого человека, нуждающегося в уроках.

И через неделю или две наш молодой человек уже имел два хорошие урока, обеспечивающие вполне его существование, и благодарил Элен с таким горячим чувством, что скромная, добрая девушка сконфузилась и, ласково глядя на Сержа, проговорила:

– Полно... полно... Стоит ли из-за таких пустяков благодарить.

Но Серж все-таки продолжал благодарить и несколько раз, в знак благодарности, принимался горячо целовать красивую руку своей «кузины», взглядывая на покрасневшую Элен своими ясными голубыми глазами, с видом наивного ребенка, переполненного чув-

СТВАМИ.

Будущность, казалось, улыбалась молодому человеку, явившемуся в Петербург без денег, без связей, с одними мечтами добиться впоследствии и связей, и положения, и денег.

Первые шаги его были удачны. Он отыскивал вполне приличных родственников, которые могли быть очень полезны и у которых можно было иметь даровой обед; благодаря этой сентиментальной старой деве Элен он скоро получил уроки; словом, все начиналось очень хорошо.

Думая об этом, молодой человек весело улыбался, и его постоянные мечты стать со временем вполне порядочным человеком, то есть сделать блестящую карьеру и быть богатым, окрылялись от первого успеха.

Одно только смущало его, являясь источником его тайных терзаний, это... его фамилия, неблагозвучная, какая-то мещанская фамилия, которая еще с отроческих лет отравляла спокойствие обыкновенно хладнокровного, рассудительного мальчика...

Бывало, когда кто-нибудь спрашивал этого

скромного гимназистика, как его фамилия, он при ответе всегда краснел от стыда. И хотя покойный отец его, почтенный человек, бывший учителем русской словесности в гимназии, нередко внушал мальчику, что называться Птичкиным не стыдно, а быть мерзавцем стыдно, – эти поучения и однажды даже строгое наказание за то, что мальчик презрительно назвал одного товарища «паршивым мужиком», не излечили юного Птичкина. И старый учитель, идеалист шестидесятых годов, с тоскливым изумлением и ужасом спрашивал себя: «Откуда это у сына такие аристократические вождедения и такие эгоистические склонности? Что это – атавизм или знамение новых времен?»

Он умер, не дождавшись полного расцвета своего юного отпрыска, уверенный, однако, что этот рассудительный, спокойный и практический мальчик, с красивыми голубыми глазами, не пропадет в битве жизни, как пропал другой, старший сын, увлекающийся, порывистый юноша, горячо любимый отцом.

Когда прежние неопределенные мечтания отрока стали принимать более реальную фор-

му, молодого человека еще более стала раздражать его фамилия.

И он нередко думал:

«Нужно же было отцу называться Птичкиным! И как это мать, девушка из старой дворянской семьи, решилась выйти замуж за человека, носящего фамилию Птичкина? Это черт знает что за фамилия! Ну хотя бы Коршунов, Ястребов, Сорокин, Воронов, Воробьев... даже Птицын, а то вдруг... Птичкин!» И когда он мечтал о будущей славной карьере, мечты эти отравлялись воспоминанием, что он... господин Птичкин.

Даже если бы он оказал отечеству какие-нибудь необыкновенные услуги... вроде Бисмарка... его ведь все-таки никогда не сделают графом или князем.

«Князь Птичкин... Это невозможно!» – со злобой на свою фамилию повторял молодой человек.

Правда, он любил при случае объяснять (что он и сделал скоро у Батищевых), что род Птичкиных – очень старый дворянский род и что один из предков, шведский рыцарь Магнус, прозванный за необыкновенную езду на

коне «Птичкой», еще в начале XV столетия выселился из Швеции в Россию и, женившись на татарской княжне Зюлейке, положил основание фамилии Птичкиных. Но все эти геральдические объяснения, сочиненные вдобавок еще в пятом классе гимназии, когда проходили русскую историю, мало утешали благородного потомка шведского рыцаря Птички.

Университетская пора пронеслась быстро и весело для Птичкина.

Способный и неглупый, он занимался хорошо и отлично знал то, что требовалось для экзаменов. Дальше этого он не шел и не находил нужным. Вообще, отвлеченные мысли как-то не занимали его практический ум и слишком себялюбивую натуру, и он с глубочайшим презрением относился к людям, которые пускались в отвлечения. И отец его из-за этого весь свой век прожил несчастным учителем и умер бедняком, и старший его брат где-то скитается по захолустьям. Брата он решительно презирал как дурака, не умеющего понимать, казалось, самых простых вещей, и всегда боялся, что «этот болван» может его скомпрометировать. И когда однажды Серж Птичкин, уже студентом третьего курса, получил от старшего брата письмо, то он, не задумавшись, ответил ему таким посланием:

«Я полагаю, брат, ты согласишься со мной, что родственные связи, при известных обсто-

ательствах, ровно ничего не значат. Мы с тобой стоим совершенно на разных точках зрения. То, что ты считаешь хорошим, я считаю мерзким, то, что ты считаешь благом, я считаю несчастьем. Короче говоря, между нами решительно ничего нет общего, и, несмотря на то, что случай сделал нас братьями, я не нахожу нужным скрывать полного отвращения и к твоим идеям и к твоей жизни. Поэтому было бы, полагаю, удобнее прекратить всякие отношения».

Через несколько времени Серж Птичкин получил от брата следующий ответ:

«Извини, брат. Я решительно не думал, что ты такая современная скотина в столь молодые годы. Поздравляю».

Младший брат прочитал эти строки совершенно спокойно. Ни один мускул его красивого румяного, несколько женственного лица не дрогнул. И только в глазах сверкнуло презрение.

Он медленно разорвал письмо и произнес:
– Идиот!

От товарищей Птичкин держался в стороне. Водил он знакомство лишь с избранными

студентами, такими же ранними молодыми людьми, как и он, да с несколькими приличными шалопаями.

В этом кружке он был божком. Он нередко проповедовал, слушая сам себя, свою собственную теорию государственного права и рисовался крайним консерватизмом. Это отвечало его аристократическим вожделениям и не мешало будущей карьере. Напротив!

Говорил он недурно: тихим, спокойным голосом, с апломбом человека, уверенного в своем превосходстве, и любил напускать на себя строгую солидность, особенно когда толковал о задачах трезвого молодого поколения. Выходило недурно.

У Батищевых молодым человеком все восхищались, кроме младшей сестры Ниты, хорошенькой, неглупой барышни, не особенно доверявшей молодому человеку. Птичкин пробовал очаровать эту изящную молоденькую кузину с насмешливыми глазами, но это ему никак не удавалось. Он чувствовал подчас ее тонкую иронию, и ему с ней было как-то не по себе.

Зато Элен восторгалась своим любимцем.

Хотя его крайние взгляды и казались ей уж слишком непреклонными и возмущали ее доброе сердце, но она считала, что этот пыл со временем пройдет, и все прощала «бедному сироте». И он зато оказывал ей, особенно вначале, почтительно-нежное внимание, уверял в своем расположении и часто и горячо целовал ее маленькую белую руку, думая в то же время, что эта старая дева может еще пригодиться и что рука у нее все-таки аппетитная.

IV

И Элен все более и более привязывалась к «милому юноше», как она его называла.

Это чувство было довольно сложное. В нем соединялось: несколько восторженная влюбленность старой девы с чистой привязанностью доброй души к бедному молодому человеку, пробивавшему себе жизненный путь без посторонней помощи, и с поклонением перед умом, энергией и другими достоинствами, которыми обильно наделяла молодого человека девушка, не привыкшая хорошо всматриваться в людей. Она, разумеется, тщательно скрывала свои чувства под видом обыкновенного дружеского расположения, но втайне радовалась всяким успехам Птичкина и была уверена, что из него со временем выйдет замечательный человек. Ее трогало его внимание, его благодарность за ее пустые услуги, и она как порядочный человек искренно верила в его расположение... верила и считала своего протеже безусловно честным молодым человеком.

Ей точно чего-то недоставало, когда он

несколько дней не приходил. Она любила говорить с ним и с участием доброй сестры относилась ко всем его нуждам. Однажды даже она, вся краснея, со слезами на глазах, предложила ему взять займы денег, но Птичкин так холодно и резко отказался, видимо обиженный этим предложением, что Элен должна была извиняться и уверять Сержа, что в ее предложении не было и мысли сделать обиду.

На спиритических сеансах, бывавших поочередно у каждого из членов небольшого спиритического кружка, как-то случилось, что Элен и Птичкин всегда сидели рядом. И эта близость, это прикосновение рук всегда наполняло Элен каким-то сладким томлением. И она еще более верила в спиритическое сродство душ. А Серж, как нарочно, иногда слегка надавливал ее крошечный мизинец своим пальцем, приводя бедную девушку в большее спиритическое воодушевление. Разумеется, это не он давит. Он не посмел бы этого сделать. Это дело духов.

В спиритическом кружке, кроме старухи Батищевой и Элен, участвовали еще три да-

мы и два почтенных старика – все люди более или менее состоятельные и со связями, и Птичкин, особенно первое время своего студенчества, охотно посещал сеансы и был, казалось, ревностным спиритом. С самым серьезным видом выслушивал он, когда одна из «спиритических дур», как мысленно он окрестил своих соучастниц по опытам, начинала рассказывать о своей беседе с каким-нибудь из жильцов загробного мира или объяснять теорию переселения душ.

Но эти сеансы сослужили добрую службу. Благодаря им завязывались полезные знакомства и связи, и наш молодой человек во все время своего студенчества имел много уроков, и таких хороших, что мог не только прилично жить, но и скопить небольшую сумму, чтобы по выходе из университета одеться, как приличествует благородному потомку рыцаря Птички.

Его охотно приглашали, и года через два по приезде в Петербург молодой студент имел возможность обедать в разных домах, не подвергаясь, таким образом, опасности ежедневно слушать утомительные послеобеденные

рассказы – нередко в пятом издании – старухи Батищевой, в обществе одной Элен, так как хорошенькая Нита и брат ее обыкновенно исчезали из комнаты, как только старуха открывала рот, ибо знали все эти рассказы с тех пор, как помнили себя.

Он нравился вообще дамам, этот свежий, румяный белокурый студент, с ясными голубыми глазами, маленькой шелковистой бородкой, с отличными манерами и с таким непреклонным образом мыслей. Под его наружным спокойствием чувствовался огонек. Его звали на балы и вечера и им любовались, – так он мило танцевал.

И в том обществе, где он вращался, почти все находили, что monsieur Serge [3] – редкий молодой человек, и иногда жалели, что у него такая «малоговорящая» фамилия. Наш молодой человек знал, что он производит впечатление на дам, особенно «бальзаковских» лет и любящих пылкость чувств. Это льстило его самолюбию. Он втайне гордился своими победами, но, казалось, не замечал их, не позволял себе ни за кем ухаживать и напускал на себя серьезную солидность слишком занятого

и скромного человека, которого не занимает ухаживанье. Он хорошо разыгрывал роль Иосифа Прекрасного и не забывал, что он — Птичкин, чтобы серьезно ухаживать за светской барышней, пока не оперится. Влюбленный лишь в самого себя, сухой и самолюбивый, он и не увлекался никем, мечтая впоследствии жениться на девушке с основательным приданым. Плодить бедных он не хотел и с цинизмом подсмеивался над дураками, которые «женятся, не подумавши».

А пока наш молодой человек пользовался расположением своей квартирной хозяйки, молодой, смазливой жены мелкого старого чиновника. Эта связь была по крайней мере удобна. Она гарантировала его здоровье и ни к чему не обязывала. Так предусмотрительно обсудил Птичкин этот вопрос, заметив, что пышная брюнетка к нему равнодушна. И он третировал ее, относясь к ней с высокомерным снисхождением высшего существа, и дарил ей маленькие подарки, которыми оплачивал свои чувственные удовольствия. Полюбившая его чиновница вздумала было отказываться от этих подарков, но молодой

человек прикрикнул на нее, и она покорно согласилась, не смея ему противоречить.

Когда в отлично сшитом фраке Серж Птичкин, уже заручившийся благодаря хлопотам Батищевой недурным местом в провинции, явился на Сергиевскую с первым визитом по окончании курса, он застал в гостиной одну Ниту. Старушки и Элен не было дома. Они уехали в свой приют.

Фрак очень шел к Птичкину, и вообще этот двадцатипятилетний молодой человек глядел совершеннейшим джентльменом того особенного стиля, которым щеголяют молодые чиновники ведомства иностранных дел и вообще светская золотая молодежь. И если бы не знать, что это Серж Птичкин, мифический потомок рыцаря Птички, его по виду можно было бы принять хоть за маркиза, — так он был великолепен.

Уж он умел ходить с небрежным развалцем, щурить глаза, растягивать слова, не узнавать на улице плохо одетых знакомых, зевать, с видом скуки, в театре и смотреть собеседнику, если он простой смертный, не в глаза, а пониже или повыше: не то в подборо-

док, не то в макушку... Одним словом, Серж Птичкин уже принял облик «горохового шута», – облик, считаемый за настоящий «sachet» [4] порядочного тона.

– Да вы великолепны! Просто-таки великолепны в своем фраке, Сергей Николаевич! – воскликнула Нита при виде Птичкина на пороге гостиной.

И ироническая улыбка мелькнула в ее серых глазах и скользнула по алым тонким губам.

И тотчас же прибавила:

– Поздравляю вас и...

Она на секунду остановилась и глядела на великолепного молодого человека с веселой, чуть-чуть насмешливой улыбкой, эта блондинка с гладко зачесанными назад пепельными волосами, бойкая и живая, с выразительным лицом, хорошеньким и необыкновенно привлекательным со своим задорно приподнятым носиком. В ее чуть-чуть вздернутой кверху головке было что-то надменное и капризное. В живых, смеющихся глазах точно играл бесенок, и выражение в них быстро менялось. Она была среднего роста и хорошо

сложена. Серое шерстяное платье обливало ее изящную, полную грации фигурку.

– И что же дальше? По обыкновению, какая-нибудь колкость, Анна Александровна? Что ж, говорите... Я к этому привык! – проговорил на ходу Птичкин умышленно веселым тоном, стараясь скрыть досаду на эту насмешливую барышню, не разделявшую к нему общего поклонения.

И, приблизившись к девушке, он почти-тительно поднес к губам ее крошечную, точно выточенную, розовую ручку.

– Они, я думаю, не особенно чувствительны, мои колкости... для такого умного человека! Не правда ли? – лукаво прибавила Нита. – Я просто не решаюсь вам ничего желать.

– Это почему?

– Да потому, что и без моих желаний... успехи не заставят вас ждать...

– Остается поблагодарить за такое лестное мнение обо мне! – промолвил молодой человек, наклоняя голову.

– Да ведь вы и сами уверены в этом? Вы ведь вообще влюблены в себя!

– Вы думаете? – промолвил, краснея, моло-

дой человек.

– Думаю...

– Напрасно так думаете...

– Ну уж что делать...

– А мне это обидно...

Молодая девушка усмехнулась.

– И этому не верите?

– Досадно – это я еще пойму, но чтобы обидно...

Эта «девчонка», как про себя ее звал Птичкин, положительно его раздражала своим ироническим тоном и разными неприятными откровенностями, а между тем она ему нравилась, настолько нравилась, что он порой мечтал, что жениться на ней было бы очень недурно. Она невеста богатая – сто тысяч приданого. Но она, видимо, ему не доверяла и не оказывала ему особенного расположения, и это раздражало его самолюбие. То ли дело Элен... Та охотно пошла бы за него замуж, но ей тридцать три, а ему двадцать пять... Уж слишком она зрела, эта отцветшая красавица! – думал Птичкин.

Он принял строго-оскорбленный вид и мягко, мягко заговорил о том, что Нита глубоко-

ко заблуждается и совсем не понимает его. Он вовсе не так дурен, как она его считает, и ему обидно, что именно она так относится к нему.

– Мне всегда было искренно жаль, что я не заслужил вашего расположения, Анна Александровна... а я всегда был и буду глубоко вам предан...

Он проговорил эту фразу не без огонька, сделал паузу и бросил взгляд на девушку. Она, казалось, слушала внимательно.

«Ключуло!» – подумал молодой человек и, понизив голос до нежного минора, продолжал:

– Теперь, когда, быть может, нам долго не придется увидеться, я не скрою от вас, что меня всегда мучило ваше недоверие... Чем я его вызвал? За что оно? А между тем... я больше чем предан вам... я...

В эту минуту из залы донеслись голоса Ба-тищевой и Элен.

Птичкин остановился.

– Что ж вы, мосье Серж?.. Allez, allez toujours! [5] – с громким смехом проговорила Нита, и презрительная улыбка светилась в ее глазах.

Птичкин позеленел от злости.

– Здравствуйте, Серж! Поздравляю вас!

И Батищева и Элен радостно пожимали ему руку, высказали много самых искренних и добрых пожеланий и находили, что он прелестен во фраке.

– А ты, Нита, отчего так хохотала? – спросила мать.

– Сергей Николаевич рассмешил...

– Чем?

– Он великолепно прочитал комический монолог из... «Тартюфа».

VI

Года через четыре Серж Птичкин показался на петербургском горизонте в качестве видного товарища прокурора, уже успевшего зарекомендовать себя. Карьера его обеспечена. Его считают дельным, солидным юристом, но только чересчур непреклонным. Но это не смущает Птичкина, так как он мнит себя носителем идеи самого чистого консерватизма и аристократических тенденций. Он стал еще солиднее и принял вид государственного человека. Он одевается с изысканно строгой простотой, «по-английски», и по праздникам посещает аристократические церкви, сделавшись религиозным человеком настолько, насколько требует хороший тон последнего времени. «Для увенчания здания» оставалось сделаться богатым человеком. И это не заставило его ждать. Год тому назад он женился на хорошенькой купеческой дочке с миллионом. Он снисходительно позволяет себя любить, считает жену душой и строго дрессирует ее. В год он выдрессировал жену настолько, что она уже тянет слова, щурит пре-

зрительно глаза и боится своего благоверного как огня.

Сам Серж Птичкин, получив миллион, еще более влюбился в собственную особу и стал говорить еще медленнее, точно произносить звуки ему в тягость. Ходит он с большим развальцем, словно бы ноги у него развинчены, зеваает артистически и совсем не узнает на улице многих прежних знакомых и в том числе Элен. У Батищевых он бывает раз-два в год. Чаще бывать ему некогда. Он так занят!

Недавно я имел счастье видеть Сержа Птичкина у одного из его подчиненных, которого он осчастливил своим посещением. За картами он обратил внимание на какой-то портрет, висящий на стене, и, немного гнуса-вя, процедил:

– Что это? Фо-то-ти-пия или фо-то-гра-фия?

И вдруг так зевнул, что смутившиеся хозяева поспешили объяснить, что это фотография.

– А я по-ла-га-л, фо-то-ти-пия! Не-дур-но. Очень недурно!

Вообще, Серж Птичкин счастлив. У него прелестная квартира, экипажи на резиновых

шинах, лошади превосходные, влюбленная дура-жена, впереди очень видная карьера...

Одно только по-прежнему терзает его, это – его фамилия.

– Птичкин... Птичкин! – повторяет он иногда со злобой в своем роскошном кабинете. – И надобно же было родиться с такой глупой фамилией!

1890

1

Здесь: вполне приличен (фр.)

[^^^]

дурным тоном! (фр.)

[^^^]

господин Серж (фр.)

[^^^]

Здесь: образец (фр.)

[^^^]

Дальше, дальше! (фр.)

[^^^]